

Харьковские губ. ведомости.

1897. 3 января. № 2.

С. 2-3.

БОЛѢЗНЬ ВОЛИ.

(По поводу романа Чехова "Чайка").

... художники, другие бывали. Они говорили, что тут пустые слова без смысла, а другие находили через чур много смысла.

Шекспиръ. Гамлетъ.

Къ добру и злу постыжно равнодушны.

На печаль и радость мы не имемъ быть борцы.

Лермонтовъ. Демъ.

Из нашей художественной литературы из настоящей момент — парить пустое время.

Публика напряженно ждет чьего нибудь вѣжливого слова, въ которомъ, какъ въ фокусъ сконцентрировалось бы все типичное, характерное индивидуальное современнаго повольна и общественные идеалы, и стремления, и достигнутые, достигшие или даже предполагаемые результаты деятельности.

Подъ вѣжливымъ словомъ мы разумеемъ явление произведение, которое можно было бы назвать основой литературнаго направления, его конечный или начальный пунктъ. И кажется, что время для этого еще не настало. Можетъ быть, потому, что недостаточенъ законченный материалъ для выясненія переживаемой эпохи, а можетъ быть, а потому, что не родился или еще не высказался гений, призванный синтезировать убожество, орлиными взглядами могущихъ крыльевъ воспарилъ бы изъ нисъ и создалъ отсюда прошедшую и настоящую жизнь, мощной рукой набросалъ бы ея картину и позитивную картину. Чего не достаетъ, онъ дополнилъ бы, взглянувши въ будущее своимъ провидящимъ окомъ, дорисовалъ бы въ картинѣ сцену идеальную, творческую воображеніемъ, и была бы она, эта картина, знаменіемъ арены, радужной моментъ вѣчности. давая

главнымъ и желаннымъ открытиемъ.

Но такого Эдипа, разрывшаго бы загадку современнаго павъ (Филкса, который есть у каждаго поколѣнія, пока еще нѣтъ. Скоро ли онъ будетъ, предсказать трудно. Литературныя произведенія послѣднихъ лѣтъ, выходившія изъ подъ пера нашихъ лучшихъ и "надежныхъ" художниковъ, беллетристовъ и драматурговъ не даютъ намъ права воскликнуть, что загораются изъ туманной дали абрисы свѣтлой зари восходящаго свѣтила.

Напротивъ нѣтъ современныхъ намъ повѣсти, романы, рассказы, драмы — нѣтъ же нѣтъ легитимна, начиная савини аркики, колоритныя, талантливый, въ которыхъ блещетъ и сияетъ жизнь и облесъ идей и нѣтъ очерченная реальность, согрѣтая теплотою горячаго авторскаго сердца, и кончая художническими, претенциозными, но тѣмъ не менѣе упорными творениями декадентовъ — только матеріаламъ, только подготовкамъ для другихъ произведений, отбывавшихъ своихъ влеченій развитие в новыя эры искусства и литературы. А эта послѣдняя у насъ, выразивъ словами Константина Аксаконя, не то что *идетъ впередъ*, а не *постыжно* *мыслимъ*.

Въ критикѣ постоянно слышались жалобы то на недостатокъ талантовъ, то на медленность и небольшое количество работъ наиболее выдающихся писателей. Приводятся объясненія, въ которыхъ ссылка на невѣтерность, бѣдность, нѣтъ современнаго общественнаго жизни играютъ главную роль. Нѣтъ де сюжетовъ и пр...

Мы, конечно, не будемъ отрицать того, что каждый писатель есть сынъ своей эпохи и что окружающая жизнь оказываетъ на него огромное вліяніе. Однако, если бы мы оставили творчество писателя въ застывшую зависимость переживаемой среды до такой степени, что бѣдность, скудность жизни, не характерныя люди — бѣдны и про-

веденія и нѣтъ достаточныхъ побужденій для писательства, то мы сдѣлали бы и большую ошибку. Мы не могли бы объяснить себѣ появленія и безсмертія, напр. Шекспировскихъ драмъ, которыя мы такъ часто видимъ на сценахъ теперешняго репертуара и поминутно имъ, несмотря на отдаленность рисунка въ нихъ эпохи.

Человѣкъ всегда и вездѣ человѣкъ. Шекспиръ подвѣтилъ и воссоздалъ въ своихъ герояхъ не только исторически національное, но и общечеловѣческое, вѣчное, не преходящее, но вѣчное. Онъ сумѣлъ такъ глубоко заглянуть въ душу человѣка, какъ никто до него, да и рѣдко послѣ него могъ это сдѣлать. Онъ отнесся къ своей задачѣ, вооруженный великой творческой силой гениальнаго сердца-вѣнца, что составляетъ удѣлъ немногихъ избранныхъ.

Дѣло не въ скудости и бѣдности жизни, а въ отношеніи къ ней писателя. Нѣтъ сюжетовъ!

А между тѣмъ само простое и ординарное явленіе, объясненное и проанализированное творческой душой и огнемъ чувства, возматъ передъ нами совершенно къ другой свѣтѣ, чѣмъ оно представляется намъ ежедневно, когда мы проходимъ мимо него.

Что можетъ быть обыкновеннѣе: вы идете по саду съ собакой. Съ дерева падаетъ желторотый воробей. Собака направляется къ нему, какъ вдругъ между вами и собакой, ослѣпшими крыльями, становится старый воробей, живущая дѣтщина. Раскройте стихотворенія въ прозѣ Тургенева и прочтите такъ то нѣтъ нѣтъ, которое посвящено только что разказанному пустяку и вы убѣдитесь, что не фальшь и не его личностность, а авторское къ нему отношеніе составляетъ суть творчества.

Вотъ еще притѣръ: яблоко падаетъ съ дерева... Можетъ ли быть что либо проще? А между тѣмъ это самое паденіе яблока навело Ньютонъ на

C. 2-3.

Такие же взгляды высказались съ фатальности, съ предопределенности. Въ немъ солидная уверенность чело- века отъ причинъ, лежащихъ внѣ него, въ природѣ, въ жизни матеріи, съ которой ему бороться не подѣ силу. Этакая непоколебимая лѣтъ въ жерту судьбѣ, фаталистическому гонимому d'être, возможно ли имъ стоять объек-

У человека, обыкновенно с малых лет, начинающего жить чувственными восприятиями, чувственность развивается прогрессивно. При содействии и противодействии окружающих благоприятных условий она развивается до стадии доходящей

Въ последнее время, въ особенности,
почему то вы привыкли считать все

мину на обстоятельства и жизненные условия: „среда зашла“!

А отъ такой привычки недалеко до признания рокового фатума, тяготящего надъ людьми. Самая жизнь и впрямь дѣлается не жизнью, а прозябаніемъ организмовъ съ растреснанной нервной системой.

Передъ нами цѣлое общество такихъ инертныхъ и нервно больныхъ людей въ Новой комедіи Чехова „Чайка“. Отношенія ихъ между собою переплетены тѣсно, если можно выразиться, тройной связью.

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, известная актриса, гостить въ деревнѣ у брата своего д. ст. сов. Сорина. Находится она въ близкихъ отношеніяхъ къ бездѣлному Триггориному, тоже известному. Она безумно любитъ Триггоринова, который также любитъ Нину Зарѣчную, молодого дѣвушку, соседка по вѣнцу Сорина. Нину Зарѣчную страстно любитъ сынъ Аркадиной, Треплевъ, начинающій писатель съ декадентскихъ пошибовъ.

Треплевъ безнадежно любитъ Машу Шамраева, дочь управляющаго Сорина. Машу безотвѣтно любитъ учитель Медвѣденко, котораго уже никто не любитъ, даже Маша, вышедшая за него съ горя впоследствии замужъ. Машин мать, Полина Андреевна, любитъ безконечно Дорна, уѣзднаго врача-акушера, котораго молодость—сложной романъ.

Владѣлецъ усадьбы Соринъ, человѣкъ добрый, любитъ всѣхъ и даже добродушно относится къ поручику Шамраеву, закладывшему безхарактерныхъ патентовъ. Этотъ поручикъ Шамраевъ, повидимому, никого не любитъ и его никто не любитъ.

Несмотря на такое сугубое торжество любви, жизнь обитателей усадьбы сплошная мука, но далеко не отъ одной любви.

Всѣ они производятъ тягостное,

неопредѣленное впечатлѣніе на зрителя. Уже послѣ паденія занавѣсы въ концѣ перваго дѣйствія хочется сказать: странные люди, странная пьеса. А затѣмъ, когда при дальнѣйшемъ развитіи комедіи и болѣе отчетливомъ вычлененіи характеровъ еще болѣе усиливается убѣжденіе, что передъ глазами проходятъ люди, отравляющие другъ другу существованіе, но въ сущности виноватыми являются не они другъ передъ другомъ, а каждая передъ собой. Распутивши себя, расклевываясь, разиравивавшись и на разъ не задумавшись надъ причиной такого печальнаго состоянія, они продолжаютъ свое прозябаніе, все болѣе и болѣе запутываясь въ своихъ собственныхъ болѣзняхъ „я“. Вѣсть съ тѣмъ добиваясь личнаго, почти эгоистическаго счастья ни одинъ изъ нихъ не хочетъ поступиться крупицкой своего собственнаго самолюбія и удобства жизни. Сами того не замѣчая, они нарушаютъ коренной законъ всякаго общежитія, по которому каждый человѣкъ одинъ передъ другимъ, какъ членъ общества, поставленъ въ необходимость взаимно жертвовать частью своей неограниченной свободы, страстей, желаній и всѣхъ эгоистическихъ поползновеній. Здѣсь забывается, что тамъ, гдѣ *осяскій дмашетъ* и поступаетъ по своему *промыслу*, принявъ во вниманіе только свою личность и свои интересы, *никого не можеть из сущности дмашетъ того, что хочеть*. Въ результатѣ получается безпрестанный конфликтъ воли, даже воли, а подчасъ просто безотчетливыхъ стремленій въ угоду своему я.

Здѣсь царствуетъ полная нетерпимость по отношенію къ вѣнцамъ другихъ и раскованное самообогащеніе единственною правотой, своей собственной. И главное то, что мука, являющаяся послѣдствіемъ такого невозможнаго порядка вещей болѣе чувствуются. Въ первыхъ минутъ послѣ боли отъ

столкновеній инстинктивно является желаніе примиренія и даже любви. И лишь потому, что любовь эта, порывъ—впечатлѣніе минуты, она проходитъ тотчасъ-же, какъ проходитъ возбужденіе и нервное сотрясеніе.

Расшатанность воли и эгоизмъ, вотъ зародыши, изъ которыхъ вырастаютъ цѣлый рядъ жизненныхъ противорѣчій для этихъ несчастныхъ людей.

И нужно сознаться, что здѣсь совершенно справедливый наекъ на современную действительность.

Откуда эта апатія, разочарованность и боль жизни, неумѣнье выбрать себѣ дѣло по сердцу, а выбравши довести его до конца не умѣнье „бросить даже мысли благородной и генической начатаго труда“...

Все это изъ тѣхъ же мотивовъ. Остановился для подтвержденія высказаннаго на разборѣ характеровъ и положеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Чехова.

Но прежде скажемъ о самой манерѣ автора и его ошибкахъ.

Чеховъ объективенъ. Чѣмъ объективнѣе, говорить онъ, въ томъ же „Разсказѣ несчастнаго человѣка“, тѣмъ меньше опасности впасть въ ошибку. Вотъ почему многіе, прослушавши пьесу Чехова остались въ большомъ недоумѣніи и, ничтоже сумяся, поставили видъ ней крестъ.

А между тѣмъ большинство зрителей осталось недовольно комедіей именно потому, что оно не могло рѣшиться: шутить ли авторъ, пропискируетъ, выходя напр. декадентскаго писателя, или говорить серьезно. Онъ нигдѣ ни однимъ словомъ не облокачивается, на чьей сторонѣ лежать его симпатіи. (Лишь не дасть даже отдаленнаго намека на то, что рисуетъ отрицательныя черты, т. е. односторонне своихъ героев).

Смотрите и судите, какъ-бы гонимъ онъ между строкъ, разбирайтесь, увидите: я сдѣлалъ свое дѣло, т. е.,

Харьковские губ. ведомости.

1897. Января. № 2.

С. 2-3.

столкновений инстинктивно является желанием припрятать и даже любить. И лишь потому, что любовь эта, порыв—впечатление, что, увы, она проходит тотчас же, — проходит возбуждение и первое содрожание.

Расчетливость воли и эгоизм, нота зародившая, из которых вырастает целый ряд жизненных противоречий для этих несчастных людей.

И нужно сознаться, что здесь совершенно справедливый навет на современную действительность.

Откуда эта анастезия, разочарованность и боязнь жизни, неумение выбрать себе дело по сердцу, а выбравши довести его до конца не уметь „бросить даже мысли благородной и гениальной начатого труда“...

Все это из тех же нотингов. (Установился для подтверждения высказанного на разбор характеров и положений главных действующих лиц комедии Чехова.

Но прежде скажем о самой намеренности автора и его ошибки.

Чехов объясняется. Чрез объективизм, говорит он, из того же „Рассказ неизвестного человека“, так же, как и в описании впасть в ошибку. Вот почему многие, прослушавши пьесу Чехова остались в большом недоумении и, ничего сумевши, постигли лишь ее простоту.

А между тем большинство зрителей осталось недоволено комедией именно потому, что оно не могло принять: мучить ли автор, проинспирует, выводит напр. декадентского писателя, или говорить серьезно. Он вынужден один из словечек не обмалывается, на чьей стороне лежать его симпатии. (Из не даст даже отдаленного намека на то, что рисует отрицательными чертами, т. е. односторонне своих героев.

Смотрите и судите, как-бы говорить он между строк, разбирайтесь. Скажите: а сделал ли свое дело, т. е.,

художественно изобразил то, на что, по моему мнению, следует обратить внимание общества из давнее время.

Г. Чехову, говорит Н. К. Михайловский, „все едино, что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца“..... Безразлично направляет он „своей превосходный художественный аниматор на ласточку и самоубийцу, на муху и слона, на слезы и воду“.....

Гольцов в своей публичной лекции, из пользу новоспасаемого комитета грантности (Русская Мысль, V), делая обзор литературной характеристики Чехова, говорит: ему ставится на вид отсутствие стройного миропонимания, следствием чего является его безразличное отношение к людям и событиям, а которых он рассказывает“.....

Задавался вопросом, составляется ли высший идеал художественной деятельности безразличности, объективное творчество. Добролюбов в статье об Обломовиче писал следующее: „Категорический отзыв затруднителен и, во всяком случае, был бы несправедлив без ограничений и пояснений. Много из не нравится моему отношению поэта к действительности, и они готовы тотчас же произнести рьяный приговор о несправедливости такого таланта. Мы понимаем снисходительность подобного приговора и, впрочем, сами, если не чужды желания, чтобы автор побольше раздражал наши чувства, посылал нас улетать нас. Но мы сознаем, что желание это в высшей степени обременяющее, происходящее от нежелания идти постоянно руководителем даже в чувствах“.

В той же статье о Чехове, Гольцов приводит след. слова Чернышевского.

„Кто имеет право требовать от поэта, чтобы он насильно своей таланты? Можно требовать только то-

го, чтобы он старался развить себя, как человека“.

Добролюбов сопоставляет последнее изречение Чернышевского с взглядом на творчество самого Чехова. Влагающего в разбираемой ком. из уста начинающего беллетриста декадента Треняева след. слова: „Да, и все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, а именно, позволяя им это свободно литься из его души“.

Свобода творчества, конечно, есть непременное условие художника. Но мы уже имели случай сказать, что в этом творчестве самое главное отношение автора к изображаемым лицам и событиям.

Та или другая форма отношения находится в органической связи и с самой формой литературного произведения—Эпосом, Лирикой, Драмой.

Выражая свои мысли в первой форме по поводу лиц и событий, автор является здесь объективным свидетелем. Вторая есть форма субъективная; из нее выражается внутренняя жизнь—восторг и чувства поэта.

В третьей же, автор передает весь свой материал в одушевленной форме, перевоплощая свою волю, энергию, словом, всего себя, как живого человека, из действующих лиц.

Ошибка Чехова в том, что он считал из своей комедии первую и последнюю формы, а у него вышла, если можно так выразиться, эпическая комедия, хотя в высшей степени убогая и содержательная.

Но в ней зритель меньше всего видит то, что еще Аристотель считал самым главным в трагедии—изображение действия, объединение разных отдельных событий в одно стройное, органически целое.

Он доказывает это из следующих примеров: деятельность есть то,

Харьковские губ. ведомости.

1897. 3 января. № 2.

С. 2-3.

что дает счастье, то, что дает счастье, есть цель; цель есть самое главное в жизни; следовательно, деятельность есть самое главное в жизни.

В комедии Чехова безволье, безхарактерности и отсутствию действия. Напр., главное действующее лицо комедии Треплев — два раза стреляется (из 3-ей и 4-ей актов) и оба раза им узнается это из разговоров других.

Вообще содержание пьесы составляют унылые разговоры на современные темы о декадентстве, о стремлении современной молодежи из деятельности казовой, сцен, а если она избирает себе почетную по самому существу, но трудную и полезную жизнь — профессию сельского учителя, то на первом плане ставит материальную обеспеченность. А так как у сельского учителя ее, конечно, нет, то отсюда в продолжении всей пьесы учитель Медвѣденко жалуется на дороговизну огня, мяса, хлеба, муки... Если автор хотел подчеркнуть действительную неприглядную обстановку учителей, то никак не кажется, что это можно было сделать, не изображая Медвѣденку рвущим и мелочным материалистом.

Из „Чайки“ точно также как и в „Иванове“, автор не дает положительных типов, и ему можно даже сделать упрек в том, что он занимается только недостатками и выводит своих героев из неприглядных образов.

О единственности человека во всей комедии можно сказать, что он ни дурень и ни хорош, а несчастен, это — Нина Зарѣчная. Девушку выводит из себя любовь и слава. Ей во что бы то ни стало хочется добиться их. Иногда и честолюбие бывает хорошим стимулом, но только тогда, если оно понимается не в извращенном и пошлом образе. Нина же За-

рѣчная хочет сделаться знаменитостью только для того, чтобы узнать, как чувствует себя известный таковой писатель. Как чувствует себя известность? Как вы чувствуете то, что вы известный? „Как? Должно быть, никак“. Означает знаменитый беллетрист Тригорин. Что забудь из двух: или вы превеличайшее мое известность, или же вообще она никак не ощущается... Вот, вы говорите об известности, о счастье, о какой то счастливой, интересной жизни, а для меня все это хорошие слова, простите, все равно, что шарлатанство, чего-то я никогда не чувствую. Про этого самого Тригорина Треплев говорит, что он чувствует унылый, простой... уже знающий и сит, но горю... Что касается его писаний, то как тебе сказать? Мало, талантливо... но поэт Толстого и Зина не хочется читать Тригорина.

А последний с заглавным раздражением говорит о своей писательской профессии.

„А публика читает: да, мало, талантливо... Мало, но далеко до Толстого, или: прощено, но потом в дѣла Тургенева лучше“.

Напрямик упрям публики. Она чутка. Она отлично сознает и чувствует, кто пишет просто своего сердца, и кто как женщина из лукавых дифференциалов подает из себя свои проваждения. А это, как Тригорин говорит: „любить орна или окуна — это такое блаженство! Если бы и жить у моря, то разве я стал бы писать? И наоборот бы в себя эту страсть и только бы и думать, что удаль рыбу“... — пошлостью не из притчи даже и думать возмущаться до Тургенева. Последний любит также орна, но для природы, а Тригорин наоборот. Тригорин, человек мелочливый и из низкой степени безвольности. Он уже из той возрасты, когда „любить не молодых“. И одна из

не молодых имен Аркадина совершенно завладела писателем и возить его и распоряжаться для как ребенка. Даже когда у Тригорина в пишущей страсть из Нины, обольстившей себя тайно орналом, в которых находите личность известного писателя и извращенней своей прежней чувствительности к провинциализму с своей декадентской пьесой Треплеву — он оставляет удовлетворение до Москвы и усаживается с Ниной даже о гостиницы, где они встретятся!..

В конце же концов эта страсть и роман с Ниной Зарѣчной, поступившей на сцену, погубившей девушку, сводится у Тригорина к сюжету небольшого рассказа. На берегу озера с детства живет молодой девушка. Любит она озеро, как чайка, и счастлива и свободна, и к чайка. Но случайно примет человек, увидеть и от нечего делать (или писателем) погубил ее, как вот эту чайку... которую убил Треплев.

А завладевшая Тригорина Аркадина, женский из высшей степени эгоистическая. Несмотря на то, что она даровитая актриса, она не имеет в себе ни капли самолюбия, любящего чувства. Даже как мать она отрицательна, когда ставит из упреку сыну, что он оборвал, киеский вбрасывающий, который также был и ее муж. В брак она вступает с двадцать тысяч и платит, когда находят рубль о том, чтобы помочь сыну, который даже и одѣлся порядочно не может. Она боготворит себя в свой талант. Она глумится над сыном, который написал декадентскую пьесу, представляющую из себя. Пьеса эта образцы декадентского творчества и бредя развращенного воображения ее автора, человека чуткого и с приближенным дарования, но „как не могущего понять из того“, а потому его ругать.

Но Треплев не может понять

Харьковские губ. ведомости.

1894. Января. № 2.

C. 2-3.

въ томъ не только въ своихъ при-
веденіяхъ, но даже и въ своей соб-
ственной неустойчивой жизни.

Она похоть на лодку, оторванную
бурей и вознишу по морю жи-
ви боги руля, парусовъ и весель;
люди, бывшие на ней, совершенно не
приготовлены къ катастрофѣ. Они не-
чуются и бѣгутъ по ней, не видя ни-
какого исхода изъ своего ужаснаго
положенія и даже не обнаруживая ни
наибѣйшаго усилія сдѣлать попытку
къ спасенію и бороться съ стихіей.
Она въ полной власти этой стихіи.
Захочетъ, она разобьетъ ихъ какъ
мешку о прибрежия снѣга, захочетъ,
даруетъ жизнь.

Но для чего эта жизнь человеку
бессильному, нервно разстроенному, не
находящему на землѣ ни своего дѣла,
ни своего вѣста...

— Вы вошли своимъ даромъ, говоритъ
Никъ Треплевъ, вы знаете, куда иде-
те, а я же еще пишу въ хлѣбъ
грѣхъ и обманъ, не зная, для чего
и кому это нужно. Я не вѣрю и не
вижу изъ чести мое призваніе...

Въ окружающей жизни почти каж-
дый изъ насъ можетъ указать на зна-
комаго ему Треплева, который жре-
нется по божьему шіру, какъ чуждый
ему, какъ чуждый странникъ, не знаю-
щій сегодня, гдѣ придется быть ему
завтра, призывающій смерть ко въ свои
забавительству.

Почти каждый изъ насъ можетъ ука-
зать на холодаго человека, не оправ-
даннаго положеніемъ на него надеждъ
и безпреречно погибшаго.

А если бы вы задумались надъ
отцомъ современнаго насъ и вѣрно
безотраднаго факта, то убѣдились
бы, что причиной этому болѣе...

Нѣтъ волн, нѣтъ и руля въ жи-
вотной лодкѣ. Ею не можетъ управ-
лять плывущій, хотя бы онъ вѣлъ
при себѣ и вѣтеръ (узо), знаетъ да-
же, куда ему лучше всего плыть, и

дѣлать даже впередъ собой обѣтаннымъ
земли..... Но все тщетно.

Первый налетѣвшій шквалъ отбра-
сываетъ его въ безбрежное, бумажное
море, гдѣ его ждетъ, ажно раскрывши
свою крахмальную пучину черкни глуби-
на.....

«Холодно, холодно, холодно. Пусто,
пусто, пусто. Страшно, страшно, страш-
но».....

Треплевъ — лучшее гонимое нашего
талантливаго писателя. Изъ него А. П.
Чеховъ сумѣлъ уловить болѣе именное
блженіе современнаго, общественаго
духа.

Маша, дочь Шахраева, влюбленная
въ Треплева — «мечта трауръ по своей
жизни» и для облегченія печали шлетъ
молву и подаетъ табакъ.

Ея отецъ сколачиваетъ себя состо-
яніе, управляетъ вѣдѣнъ Сорина, ко-
торый 25 лѣтъ прослужилъ въ судеб-
номъ вѣдомствѣ, дошелъ до той сту-
пенки въ лѣтничѣ о рѣкахъ, кото-
рая называется дѣйствительнымъ стат-
скимъ совѣтникомъ, но не жилъ, и все
хотѣлъ начать жить.

Конечно, это понятно. Хотя и те-
перь, впрочемъ, его истощилъ жизнью
сводата въ дереву и сигаръ на обѣдѣ.

Никъ видѣть читателя, черни кра-
ки у Чехова ступени. Но бѣда не
въ томъ, что онъ ступени, а въ томъ,
что авторъ хотѣлъ только ни одѣти
нарисовать типичную жанровую кар-
тину современности. А мы хорошо зна-
емъ, что жизнь безмѣрно разнообра-
на въ своихъ проявленіяхъ и что въ
ней не одно зло, но благо, не рѣ-
шенное со зломъ, что есть въ ней лю-
ди не только носители послѣдняго,
но и первого и что если и въ кра-
вую теньку въ заключеніяхъ въ ней
указывать морю наглядностью несе-
щій солнечный лучъ, то веруемо жи-
вотъ онъ самая безотрадная стра-
да общественаго жизни.

Идемъ.